

УДК 316.014

БАЗАРОВ Андрей Александрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazarow_andr@mail.ru)

ДАШИБАЛОВА Ирина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; dashibalonirina@gmail.com)

«ПРОЯВЛЕННАЯ» ЭТНИЧНОСТЬ В СЕМЕЙНЫХ ФОТОАЛЬБОМАХ БУРЯТ

Аннотация. Статья посвящена визуальному дискурсу бурятской этничности в частных фотоколлекциях прибайкальских и забайкальских бурят XX – начала XXI в. Авторы обнаружили, что визуальные образы этничности и принципы генеалогического древа в формировании семейных фотоальбомов трансформировались: иконические коды демонстрируют гибридность и текучесть этнической традиции, ее перформативный характер в современных социальных условиях.

Ключевые слова: «проявленная» этничность, семейные фотоальбомы, биографическое фотоинтервью, визуальный нарратив, денотат и коннотат визуального сообщения, иконические коды

Проявление и фиксация этничности¹ на примере физических носителей информации – фотографических карточек и фотоальбомов – позволяет отследить трансформацию визуальных образов бурят в течение XX столетия. Основные исследовательские вопросы поставлены следующим образом: как проявляется бурятская этничность в частных фотоколлекциях? Какие иконические коды этничности проявляются в биографическом нарративном интервью с просмотром семейных фотоальбомов? Как смешаны внутриэтнические/семейные/советские специфики в фотографическом теле?

Конкретные описательные задачи решались путем раскрытия случая локальной традиции хранения фотографий прибайкальских и забайкальских бурят, выделения субъективных смыслов рассмотрения фотографий, определения контекстов создания и хранения фотографий. Источники для статьи были собраны во время полевых экспедиций в 2012–2013 гг. в Ольхонском и Осинском районах Иркутской обл. и в 2019–2020 гг. в Селенгинском, Иволгинском районах Республики Бурятия. Социально-статусные характеристики информантов: бурятки эхиритских, булагатских, цонгольских родов 1920–1930-х гг. рождения, вдовы, бывшие колхозницы, многодетные матери, бабушки, прабабушки. Хронология фотоснимков включала период 1920–2010-х гг. Методами исследования являлись визуальный анализ фотоснимков, нарративное биографическое интервью. Методология исследования опиралась на семиотическую концепцию Р. Барта и теорию фотовывявления Д. Харпера [Харпер 2013].

Актуальность исследования определена малоизученностью феномена исчезающей традиции самопрезентации этничности в физических носителях информации – семейных фотоальбомах.

¹ Понятие «проявленная» этничность ассоциативно определено из аналога технологического процесса проявки черно-белых и цветных фотоплёнок химическими растворами, а затем закрепления с помощью фиксажа и получения негативов, которые с помощью фотоувеличителя переносились на фотобумагу, затем фотобумага обрабатывалась в проявителе, закреплялась в фиксирующем растворе, промывалась и сушилась.

Феномен «проявленной» этничности в фотографиях выражается в видимой и невидимой трехслойности: в иконических кодах (этнический костюм, этническое жилище, этнические обряды); в иерархическом расположении снимков на страницах альбомов; а также в фоновой информации, сопровождающей биографический рассказ владельцев о фотографии.

Изучая этничность в семейных фотоальбомах информантов, мы обращаем внимание на диахронический порядок проявления бурятских иконических кодов как этнорегиональных маркеров. Сравнительный анализ различных фотоальбомов показал, что в период 1920–1950-х гг. бурятские женщины одеты в традиционные костюмы, в основном это бабушки информантов. В частности, информант О.А. Табинаева из п. Еланцы Ольхонского района Иркутской обл. демонстрирует фотографию 1925 г., на которой изображены отец, мать, бабушка (мать отца), сестра отца и она в грудном возрасте. Они сидят на фоне деревянной юрты (*гэр*), на стене которой повешен ковер. Взрослые члены семьи одеты в самодельные пальто с воротником из бархата (*баймга дэгэл*), зимние круглые меховые шапочки эхиритских бурят (*халюун малгай*), на ногах – меховые *гутулы*. Бабушка одета в женский эхиритский костюм: шелковый халат (*палаати*) с рукавами, отороченными мехом выдры, длинную безрукавку (*хубайси*), украшенную серебряными монетами, на голове – головной убор в виде тубетейки (*биизга малгай*), на шее – традиционные нагрудные серебряные украшения: «Я спрашивала у матери: “это что белый халат у бабушки?”, а она мне говорит: “нет, голубой палаати, он так блик на фотографии (черно-белой) дает”». Следующий код – это коллективные обрядовые практики: снимки свадебных ритуалов; в количественном отношении их немного. Так, информант улуса Нарин-Кунта продемонстрировала фотографию 1970-х гг., на которой изображен обряд подготовки женщин рода к свадьбе, несущих приданое невесты – постельные принадлежности (*заһал*). Значимым этническим маркером выступает социальное воспроизводство родственных связей, общинности, фотографии улусников как членов расширенной семьи, двоюродных, троюродных сестер, братьев, племянников, старших членов семьи. Также на фотоснимках запечатлены фрагменты традиционного интерьера: сундуки, утварь, деревянные юрты. В течение XX в. данный иконический код проходит несколько этапов своего преобразования. В семейных фотоальбомах этот процесс четко проявлен.

Иной иконический код связан с формой и порядком размещения фотоматериала. В ходе экспедиции были обнаружены разнообразные модели хранения, а следовательно и отношения к семейным фотографиям: фотоальбомы с картонными страницами; в коробках; фотокарточка в рамке, размещенная на стене, книжных полках или в шкафу; баннерный вид (отсканированные и напечатанные на баннере размером во всю стену как аналог генеалогического древа) и, наконец, на почетном месте – хойморе (*гунгарбаа*). Фотоальбомы формировались позже снятых снимков. По признанию их владельцев, они являлись подарком к конкретному событию, о чем свидетельствует подпись дарителя. Ранее же фотографии хранились несистемно – в коробках, в шкафах, комодах. Составление личной коллекции презентует важные биографические события и предполагает творческое отношение владельца, как минимум – хронологического или иерархического порядка размещения фотоснимков. На практике же линейный порядок – от раннего события к прошлому, последовательное расположение фотографических изображений прародителей, родителей и их потомков – встречается редко. Фотокарточки спутаны по датам их создания, просто вложены в альбомы. И датированы фотографии редко.

В традиционных обществах презентация иерархии, воспроизводящая структуру многопоколенной семьи, является особым социальным механизмом. Обязателен порядок представленности по нисходящей от прародителей к родителям и детям. В настоящее время мы наблюдаем нарушение патриархальной преемственности, перевертыш верха и низа, где первичны дети и выражен детоцентризм. Изображения детей доминируют в фотографических практиках, нередко они расположены в начале альбома. Как отмечает французский социолог Д. Эрвье-Леже, в современных обществах выражен императив непосредственно происходящего, и все меньше проявляется коллективная память, которая консолидирует группу [Hevieu-Léger 1999: 48].

Неявная этничность проявляется как фоновое знание, как нарративное пространство, не отраженное визуально в снимках советского периода. Данный слой сопровождается авторским комментарием на бурятском языке, описанием семейно-родственных связей, расширенной семьи, родословной, описанием ситуаций межпоколенного взаимодействия, названий местностей и личных имен. Повествование, включающее просмотр фотографий, имеет эмоциональный характер, информант погружается в переживание своей юности.

Фотографии, несмотря на свой выразительный визуальный язык, не могут говорить, они требуют расшифровки. Поэтому частные фотографии, оставаясь ценным материалом фиксации ушедшей социальной реальности, главным образом служат источником, биографического интервью, погружая нас в нарративное пространство этнической идентичности. Фотография, таким образом, воссоздает социальную реальность, сама как вещь является ее частью, а при ее рассматривании информант одновременно выступает субъектом снимка и зрителем [Брекнер 2007: 15].

В ходе биографического интервью постоянно возникала дилемма различения советской и этнической идентичности. Информанты демонстрировали прочный, сцементированный дуализм данных идентичностей. В соответствии с методологией Р. Барта, фотографическое изображение имеет денотат и коннотат [Барт 1989: 303]. В процессе сравнения разных альбомов выявлено денотативное содержание снимков, которое отражало доминирующие советские практики изображения телесности – прически, одежда и распространенные массовые жанры фотографий: советские праздничные демонстрации, отдых на курорте, школьные, студенческие фотографии. Но неявной этничностью в этих снимках выступают ассоциации и эмоциональные переживания информантов, являющиеся в данном случае коннотатом визуального сообщения. Приведем пример. На снимке изображены мужчины и женщины – жители с. Анга Ольхонского района Иркутской обл. Они сидят на траве, одеты в повседневную летнюю одежду 1950-х гг. По фотографии невозможно определить контент образа, если бы не устный комментарий владельца: «это мы сурхарбанили, на речке фотографировались». Реплика владельца, таким образом, позволяет установить время и характеристики проведения традиционного бурятского праздника, проводимого после посевных работ, со сбором родичей, спортивными состязаниями – тайлганам, сурхарбанам, обычно в конце июня. В советское время он приобретал характер спортивного праздника с национальными играми внутри сельских районов и между ними¹.

В фотографическом теле этнической группы запечатлена смешанная идентичность, активное формирование которой пришлось на 1960-е гг. в связи с

¹ Информант из п. Еланцы Ольхонского района Иркутской обл., женщина, 1929 г. рождения.

массовым распространением фотоаппаратов и увеличением числа фотографий в семейных альбомах [Бурдые 2014: 38]. Мы наблюдаем контраст текучей идентичности. В частности, на снимке супругов, выполненном в фотосалоне, муж внешне ассимилирован доминирующей городской культурой: шляпа, костюм, ручка в кармане; супруга же одета в женский традиционный костюм бурят булагатских родов: на ней нарядная длиннополая безрукавка, шапочка, серебряные украшения, традиционная прическа в виде двух кос. Тем самым налицо переходное состояние этничности: полузавершенная традиция и соответствие стандартам европейской моды послевоенного времени. Оба сдержанны в жестах, спокойны. Мужчина внешне преодолел порог бурятской культуры, перешел на западный образец. Данная фотография выражает одновременно внешнюю активную ассимиляцию доминирующей культурой и сохранность архаики в женской телесности. Это отражается в т.ч. в сопровождающем комментарии: «это – председатель колхоза»¹.

В дальнейшем, в 1970–1980-е гг., происходит визуальное закрепление советской традиции и исчезновение традиционных маркеров этнической идентичности. Начиная с 1970-х гг. этнический костюм либо «вымывается», т.е. исчезает с фотографий, либо используется как симулякр, сценическая или парадная бутафория. На данном этапе механизм воспроизводства этнических визуальных фотообразов стал требовать дополнительного стимулирования. Искусственность этнического фотообраза формирует ряд актов: стилизацию, копирование, консервацию и т.п. В частности, информант из п. Еланцы указывает: «...костюм сшила, ходила на ансамбль. Я им говорю [участникам фольклорного ансамбля с. Анга]: “Вы неправильно шьете, у меня старинная мода”. Моя подружка собирала старые костюмы в Черноруде, выкройки сняла, где порвано, где рвано, выброшенные, и мы выкройки по ним сняли, так сшили. Родители, бабушка носили такую бурятскую одежду, а я начала на ансамбль надевать». Информант из с. Мольга Осинского района Иркутской обл. показала несколько фотографий фольклорного ансамбля с постановочными обрядами камлания, исполнения ехоора на сцене окружного Дома культуры. Таким образом, генетическая память о предках, которые надевали аутентичную одежду, синхронизировалась в фестивальном формате этничности, востребованном в культурных проектах региональной власти.

В ходе интервью информанты четко фиксируют локальную самоидентификацию – к какому роду они относятся, в какой местности снято. Например, «мой отец родом из улуса, в котором родился шаман Барнашка»². Вся передающаяся информация четко фиксирует на визуальных примерах из семейного фотоальбома «проявление» этничности.

В результате рассмотренные в статье фотоматериалы из частных фотоархивов фрагментарны в анализе визуализации бурятской этничности, но в силу своей типичности они структурируются как представление об изменении бурятской телесности [Bernstein 2013]. Этничность проявляет себя в дискурсе, в представлении себя до 1950-х гг. через другие идентификационные символы. В дальнейшем она уходит в дуализм бурятского и советского, размывается в коллективной памяти и конструируется в ходе воспоминаний об утраченном. Исчезнувшая, «вымытая» этническая идентичность в фотоальбомах к концу 1980-х гг. получает перформативное изменение с 2010-х гг. и представляет новую самопрезентацию внутриэтнических групп бурят. «Проявленная»

¹ Информант из с. Обуса Осинского района Иркутской обл., женщина, 80 лет.

² Информант из п. Еланцы Ольхонского района Иркутской обл., женщина, 1929 г. рождения.

этничность выражается в подчеркнутом интересе ее носителей к деталям костюма и соблюдении его канонов, его ношении в праздничном и повседневном вариантах и во многих других аспектах этнической презентации. Тем не менее смена аналоговых форматов фотографий на цифровые практически прекращает практику их хранения в семейных фотоальбомах, как и наличия самих фотоальбомов, и потому востребовано раскрытие ускользающих многослойных значений семейных фотоколлекций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00068 А.

Список литературы

- Барт Р. 1989. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс. 616 с.
- Брекнер Р. 2007. Изображенное тело. Методика анализа фотографии. – *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. № 4. С. 13-32.
- Бурдые П. 2014. *Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии*. М.: Праксис. 456 с.
- Харпер Д. 2013. Фотовыявление: истоки, развитие, темы и формы. – *Социологический журнал*. № 2. С. 16-42.
- Bernstein A. 2013. *Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. Chicago: University of Chicago Press. 280 p.
- Hervieu-Léger D. 1999. *Le pèlerine et le converti: la religion en mouvement*. Paris: Flammarion. 300 p.

BAZAROV Andrei Aleksandrovich, *Dr.Sci. (Philos.)*, Chief Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazarow_andr@mail.ru)

DASHIBALOVA Irina Nikolaevna, *Cand.Sci. (Philos.)*, Senior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; dashibalonirima@gmail.com)

«DEVELOPING» ETHNICITY IN FAMILY PHOTO ALBUMS OF BURYATS

Abstract. The article is devoted to the visual discourse of Buryat ethnicity in private photo collections of Buryats. The authors find out that the visual images of ethnicity and the principles of the family tree in the creation of family photo albums were transformed. Iconic codes demonstrate the hybridity and fluidity of the ethnic tradition, its performative nature in modern social conditions. Materials for the article were collected during field expeditions in the Irkutsk Region (2012–2013) and in the Republic of Buryatia (2019–2020). The research methods were visual analysis of photographs and narrative biographical interview. The research methodology was based on the works of R. Barth and D. Harper. The phenomenon of «developing» ethnicity in photographs is expressed in a visible and invisible three-layer structure: in iconic codes – ethnic costume, ethnic dwelling, ethnic rituals; in the hierarchical arrangement of pictures at album pages; and in biographical stories of the collection owners about photography. As a result, photographic materials from private photo archives are fragmentary for visualizing of Buryat ethnicity, but due to their typicality, they are structured as a representation of changes in Buryat corporeality. «Developing» ethnicity for the sake of presenting oneself to others existed until the 1950s. It goes into the dualism of the Buryat and Soviet features. The disappeared ethnic identity in photo albums by the end of the 1980s was undergoing a performative change from the 2010s. «Developing» ethnicity is expressed in the interest of the Buryats to the details of their ethnic presentation.

Keywords: «developing» ethnicity, family photo albums, biographical photo interview, visual narrative, denotata and connotata of visual message, iconic codes

НАТСАК Органа Доржуевна – кандидат философских наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (667000, Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4; nod695596@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1921–1944 гг.)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа опубликованных и архивных документов Коминтерна и Тувинской народно-революционной партии, идеологической литературы периода Тувинской Народной Республики для выявления особенностей политической социализации тувинских женщин. Автор исследует политическое влияние Коминтерна на ТНР, место женского вопроса во внутривластной повестке ТНР а также, идеологию и формы работы с женщинами.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, тувинские женщины, политическая социализация, общественно-политическая активность женщин, органы власти

Введение

В 2021 г. исполняется 100 лет с момента провозглашения Тувинской Народной Республики (далее – ТНР) как самостоятельного государства. В 1921 г. была принята первая Конституция ТНР, которая всем гражданам предоставила равноправие перед законом. Впервые в истории Тувы женщины получили политические права, возможность участвовать в общественно-политической жизни и через выборы быть представленными в органах власти.

В Конституции ТНР 1941 г. была осуществлена детализация прав женщин: женщине предоставлялись равные с мужчиной права в государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни, а воспрепятствование их участию в указанных сферах жизни общества и государства, равно и посягательство на них, равно и вступление с ними в брак карались законом¹.

По опыту Советской России в Туве были созданы все правовые условия для политической социализации. Однако законодательный процесс опережал фактическую готовность тувинских женщин к активной общественной и политической жизни. В силу сложившихся культурно-исторических особенностей Тувы до 1921 г. тувинские женщины, несмотря на достаточно высокий статус в семье, не имели доступа к образованию и к государственным делам, которыми занимались исключительно мужчины. В связи с получением Тувой нового общественно-политического статуса самостоятельного государства перед правительством ТНР встала задача не только обучить грамоте тувинских женщин, но и объяснить им суть происшедших политических изменений,

¹ *Тыва Арат Республикаһың Үндезин Хоожузу (Конститузу) [Конституция ТНР].* Кызыл: ТАР Писсе Хурал Президиуму. 1941. С. 30 (на тув. яз.).